

12+

ФЛЕЙТА ЛЮБВИ

NickOsch

Николай Вакатов

*повести и рассказы о пути
к живой музыке и к себе*

Николай Вакатов

**Флейта любви. Повести
и рассказы о пути
к живой музыке и к себе**

«Издательские решения»

Вакатов Н.

Флейта любви. Повести и рассказы о пути к живой музыке и к себе
/ Н. Вакатов — «Издательские решения»,

Заглавная повесть в этой книге написана по мотивам легенд североамериканских индейцев; «Звуки невидимых» — о терапии живой музыкой; «Сны ореховой флейты» — это попытка мастера понять флейту изнутри; «Дневник тишины» — дневник женщины, которая нашла во флейте свою отдушину, и, конечно, очень короткие, тёплые рассказы — личные истории о взрослении в музыке. Книга предназначена тем, кто так же, как и NickOsch, испытывает тихую радость при звучании этой флейты.

© Вакатов Н.

© Издательские решения

Содержание

ФЛЕЙТА ЛЮБВИ	6
ЧАСТЬ I. ДАР ТИШИНЫ	7
Глава 1. Племя Воронов и рождение дара	7
Глава 2. Птицы рассвета и дочь вождя	9
ЧАСТЬ II. ИСПЫТАНИЕ ГОРАМИ	11
Глава 3. На узкой тропе	11
Глава 4. Посох и память	13
Глава 5. Шаг назад	15
ЧАСТЬ III. ИЗГНАНИЕ И ГОЛОС КЕДРА	17
Глава 6. Зависть и изгнание	17
Глава 7. Душа дерева и дух ветра	19
Глава 8. Дятел и место для ветра	22
Глава 9. Имя, которое выбирает ветер	24
ЧАСТЬ IV. ВОЗВРАЩЕНИЕ РАССВЕТА	26
Глава 10. Знамена в стойбище	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Флейта любви
Повести и рассказы о пути
к живой музыке и к себе

Николай Вакатов

© Николай Вакатов, 2026

ISBN 978-5-0071-0978-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ФЛЕЙТА ЛЮБВИ

Повесть-притча

История о возвращении к силе своего рода

ЧАСТЬ I. ДАР ТИШИНЫ

Глава 1. Племя Воронов и рождение дара

Подсаживайся ближе к костру, путник! Разреши мне называть тебя гостем. Ночь длинна, угли терпеливы, а сказ мой стар — он давно ждал, когда же кто-нибудь придёт его послушать. Подкинь вон тот сухой сучок в огонь, накинь шкуру на плечи, и пусть ветер с заката, что несёт сегодня запах дальних дождей, помогает мне рассказывать, а тебе — слушать.

Теперь мало кто помнит, что к востоку от Большой реки на просторах лесистых равнин когда-то проживало индейское племя, ведь это было ещё до прихода сюда белых людей. Племя называло себя «Вороны». Зимой, когда хозяева равнин бизоны становились тощими, словно старая, давно натянутая тетива, племя поднималось на защищённые от студёного ветра южные склоны гор. Скалы там были изъедены небольшими пещерами, будто кто-то бил клювом дятла по камню тысячу зим подряд, и в этих каменных дуплах люди находили укрытие во время ненастья. Здесь, у Воронов, повелось: всю зиму жить летними запасами ягод, орехов, корней, выслеживать косуль по тропам, петлявшим среди кустов можжевельника. А как только Луна звонких ручьёв напоминала о себе первыми каплями с обледенелых ветвей, Вороны спускались с гор на свои лесистые равнины, к тучным бизоньим стадам.

Надо ли говорить, дорогой гость, что большинство мужчин нашего племени были охотниками? Только запомни главное: Вороны не ходили на бизона ради куража или накопительства. Брали ровно столько мяса и жира, сколько нужно на короткий срок, и не больше. Деды наши знали: алчность гневит Великого Духа сильнее, чем громкий смех у священного огня. А ещё — отчаяние гневит. И то, и другое — две стороны одной плохой шкуры. Вороны не злоупотребляли дарами Матери-Природы и свято верили: завтра она снова позаботится о них, пошлёт ровно столько, сколько нужно на день. В эту простую веру род наш кутался, как в тёплую шкуру молодого бизона.

Однако пришёл такой год, что и тёплая шкура не помогла. Лето принесло меньше ягод и орехов, чем обычно; колосья дикого овса вышли тощими, словно стыдились себя. А суровая зима рано нахлобучила тяжёлые снеговые шапки на вершины — они свисали с гребней зловеще, как чужой нож над спящим. Всепроникающий студёный ветер заставил косуль прятаться в таких укрытиях, куда не решались добраться даже самые опытные добытчики. Старики у пещерных костров переглядывались, не говоря лишнего: всё и так было ясно по запаху дыма, который тяжелеет и не поднимался к небу.

И как только настала Луна тонкого льда, вождь собрал совет старейшин. Решали важное: избрать самого удачливого из охотников и призвать его спуститься в долину раньше остальных. Этот избранник должен был заготовить бизонье мясо до того, как в долину спустится всё племя, чтобы оно могло скорее восстановить силы, израсходованные за полуголодную зиму.

Совет долго переглядывался у огня. Имя зрело, как зерно под снегом — медленно, верно. И вышло наружу — Яжи Ильгае. На языке Воронов это значит «Дружок пернатых». Мальчишки наградили его так в детстве, когда он часами сидел на ветвях деревьев, забыв про игры, и в самом звуке этого прозвища звенела тень издёвки: мол, растёт болтун для птиц, а не суровый воин.

Надо сказать, что Яжи Ильгае с ранних лет был нем. Зато слух у Дружка пернатых был отменный — такого не было ни у одного другого охотника. Он чаще других прислушивался к звукам природы, особенно к птичьим голосам. И в степи, и в лесу, где бы он ни оказался, Яжи Ильгае по одному только настроению «птичьих молитв», как он называл их пение, мог указать, в какой стороне бизонье стадо, насколько близко, куда поворачивает, спокойно ли идёт

или встревожено. Охотникам оставалось лишь прислушаться к его подсказке да загнать самого упитанного, самого ленивого бизона в заранее заготовленную яму. Это, как говорили старики, было лишь делом привычной сноровки. Но за этим умением стояло нечто, что у других не выпрашивалось ни постом, ни молитвой.

Многие охотники втайне завидовали уникальному дару парня и за его спиной частенько подшучивали над его немотой. Зависть, скажу я тебе, гость, она как сырая трава в костре: дыма много, а огня не видать; но если такой костёр недосмотреть, угольки уйдут в землю мхом и однажды вспыхнут там, где не ждёшь. Об этом ещё будет сказ.

Дар речи Яжи Ильгае утратил, когда ему было всего шесть зим от роду. Он хорошо помнил тот день. Его отца, тоже охотника, задрал пещерный медведь. Еле дышащее, окровавленное тело ещё сегодня утром здорового и бодрого мужчины занесли прямо в вигвам. Вскоре под звуки шаманского бубна, мерные, как падающие с кровли капли, охотник скончался на глазах жены и сына. Бубен говорил с уходящим — провожал его на ту сторону; но мальчик слышал в нём только удары своего собственного, испуганного сердца, гулкие, как камень о камень.

Мальш сильно перепугался и от отчаяния побежал в лес, чтобы никто не услышал, как он выскажет свою обиду за гибель отца Великому Духу. Когда мальчик, задыхаясь от отчаяния и слёз, уже брёл по лесной чаще, на тропе ему повстречался Мудрый Змей, преградивший дорогу и грозно шипевший. Мальчик встал перед ним в испуге и не сразу понял, что тот хотел сказать. Но вскоре малыш будто прозрел: казалось, все птицы леса хором пытались перевести ему смысл змеиного послания. Из их щебета он понял:

«Ты ещё совсем мал, а потому в твоей обиде на Великого Духа нет мудрости. С этого дня ты утратишь дар речи, но слух у тебя останется. Из-за того, что ты сможешь только слышать, ты научишься слушать. А потому ты постепенно начнёшь замечать то, что не замечают другие люди. Будь готов, что это заставит многих из них позавидовать тебе; о тебе будут сплетничать, над тобой будут насмехаться, но этот твой талант когда-то сможет спасти жизни твоих соплеменников, а тебя сделает счастливым несмотря на то, что отныне ты на всю жизнь останешься нем. Твоя немота необходима, чтобы ты никогда не отвлекался на разговоры и всегда был начеку. Ведь люди не могут знать своей судьбы наперёд, а потому слуш-ш-шай, прислуш-ш-ш-шивайся и вслуш-ш-ш-шивайся! Будь чутким к окружающему тебя миру; обращай внимание на разговоры близких людей, а главное — как можно чаще внимай окружающей тебя природе и собственному сердцу! Это они подскажут тебе, как не повторить ошибки отца и вовремя предупредить смертельную опасность».

Мать нашла его поздно вечером, сидящим у дерева, с глазами, в которых больше не было ничего детского. Глаза эти, гость мой, я видел потом много раз у тех, кто впервые поговорил с Духом и не сумел того забыть; в таких глазах словно тонкий лёд утреннего ручья — смотришь сквозь него и видишь, как уже течёт совсем взрослая вода. Она прижала сына к себе, гладила его волосы, шептала слова любви и обещания, что боль обязательно утихнет, что они справятся. Вместе. Но мальчик не отвечал — так они впервые познали тишину, в которой уже жила их новая судьба. И с этой тишины, поверь моему слову, началось всё, о чём я поведу нынче долгий свой сказ: про племя Воронов, про немого охотника, про дочь вождя и про дыхание, которое однажды научилось петь.

Глава 2. Птицы рассвета и дочь вождя

С тех пор Яжи Ильгае всегда старался быть настороже, потому что опасность и его счастье могли прийти в любую минуту, как два разных всадника по одной тропе. Он чутко вслушивался во все звуки, которые его окружали, а особенно доверял голосам птиц — ведь это они сумели донести до него самую важную в его жизни весть от Мудрого Змея. С тех пор птицы стали для него не просто певчей живностью, а толмачами Духа, переводчиками между миром явным и миром тонким.

Ночь перед встречей с вождём выдалась тревожной. До Яжи Ильгае дошли слухи о решении совета старейшин. Кто-то шепнул, кто-то взглядом указал — слух в стойбище ходит быстрее ветра, а у Воронов и подавно. В полудрёме охотнику мерещились видения: вот он в одиночку загоняет в ловушку озлобленного долгим зимним голодом бизона; вот он один стоит на узкой тропе между своим племенем и неминуемой гибелью; вот слушает лес, а в каждом шорохе ему чудится голос отца — то зовущий, то предупреждающий, то совсем потерянный, как будто отец сам ещё не знает, в какой стороне он теперь живёт. Видения были отрывочны, словно сухие листья под ногой, и лишь под утро ему удалось задремать.

Но обострённый слух не дал погрузиться в глубокий сон надолго. Словно какая-то птица вспорхнула совсем рядом, и кто-то будто коснулся его плеча. Он открыл глаза. Полог вигвама ещё был тёмным, но воздух за ним дрогнул — так дрожит вода в чаше, когда рядом проходит большой зверь.

И тогда Яжи Ильгае услышал самую красивую предрассветную птичью молитву в своей жизни. Птицы своим пением благодарили Великого Духа за новый день, за новую жизнь. Казалось, каждая из них хотела громче других высказать свою благодарность Творцу, и всё же голоса их сливались в единый гимн, как сливаются ручьи в одну реку. По мере того как из-за гор всё больше выглядывало Новое Солнце, этот гимн звучал ярче, громче. И когда Новое Солнце наконец взошло, птичья песня вдруг стихла — будто все птицы разом склонили головы перед светом, а в глубине сердца Яжи Ильгае родилась мелодия. Не та, что он слышал ушами; та, что осталась внутри, как отголосок великой молитвы природы, как след копыта на росистой траве — самого зверя уж нет, а след пока тёплый. Он долго сидел в тишине, стараясь запомнить эту мелодию, как если бы птицы доверили ему великую тайну. Тогда впервые охотник понял: эта песня не просто пришла к нему — она связана с чем-то, что ждёт его впереди. И, быть может, с тем счастьем, которое предрекал ему Мудрый Змей.

Знай, гость, что у нас, у Воронов, рассветную птичью молитву слышит не каждый. Слышат уши все — а сердцем ловят немногие. И уж если такая мелодия поселится в груди, то жди: либо беда придёт большая, либо большая радость. А чаще обе, друг за дружкой, как мать и дитя.

Когда Яжи Ильгае ступил на порог вигвама вождя и полог за ним запахнулся, его встретили темнота и тишина — внутри пока никого не было. Костёр в очаге дотлевал, и от углей шло сухое тепло, какое бывает у старого камня, нагретого долгим днём на солнцепёке. Охотник хотел уже было выйти, решив, что вождь кликнет его позже, но тут снаружи, из-за полога, донёсся тонкий голос — негромкий, как утренняя роса, лежащая на травинку. Кто-то пел у задней стенки вигвама, там, где обычно собирают хворост.

Яжи Ильгае замер, удерживаемый этим голосом, как удерживается путник на берегу, когда видит впервые невиданную птицу. Он знал этот голос, но теперь слышал его так близко впервые. Это была Айо Анинишни — дочь вождя, имя которой на языке племени означало Поющая на рассвете. Она пела негромко, для себя, в самом начале дня, как поют не для чужого уха, а для самого воздуха.

И когда до слуха Яжи Ильгае долетели первые ноты её песни, он был поражён в самое сердце: охотник убедился, что дочь вождя, как и он, Дружок пернатых, обладает тем же даром — слушать и понимать голоса птиц. Мало того — мелодия, которую она напевала, была той самой, что сегодня утром родилась у него в груди, когда смолкли за его пологом птицы после предрассветной молитвы. Та же самая, точь-в-точь, будто они оба слушали одного и того же невидимого наставника. Поверь моему слову, дорогой гость: один такой дар на племя — редкость, а два — уже знак.

От этого осознания его сердце наполнилось светлым теплом, имя которому — Поющая на рассвете. Он стоял внутри вигвама, не смея выйти, чтобы не спугнуть её пения, как не пугают первого мотылька на весенней поляне. Слушал, как птицы за пологом подхватывают её ноты, как одна из них — кажется, маленькая чечётка — пыталась повторить за ней, но всё сбивалась, и тогда Поющая на рассвете, словно учительница перед робким учеником, повторяла мелодию заново, медленнее, бережнее. И вот эта забота о малой птахе, эта терпеливая нежность в её голосе тронула Яжи Ильгае сильнее всяких слов. Он подумал тогда: тот, кто умеет так петь для птицы, сумеет так же петь и для своего народа. И сердце его, гость мой, забилося так, как бьётся сердце оленя, впервые увидевшего бурную весеннюю реку — ещё страшно ступить, но уже невозможно не подойти.

Он долго ещё стоял в тишине вигвама вождя, прислушиваясь к её голосу, к трепету ветра в еловых лапах. И где-то внутри росла уверенность: этот день станет началом его настоящего предназначения. Он ещё не знал, каким трудным будет путь, но пение Поющей на рассвете стало для него знаком, что он не один. Великий Дух ведёт их обоих по двум разным тропам, но идущих к одной поляне.

Подбрось-ка, гость, ещё сучок в огонь. Сказ мой только набирает силу.

ЧАСТЬ II. ИСПЫТАНИЕ ГОРАМИ

Глава 3. На узкой тропе

Помнишь, гость, что я говорил тебе: у Воронов опасность и счастье ходят по одной тропе? Так вот, на той самой тропе они скоро и встретились лицом к лицу с нашим Дружком пернатых. И, как водится у Великого Духа, опасность пришла первой — чтобы потом радость показалась слаще.

Рык — громкий и резкий — раздался прямо за спиной Яжи Ильгае. Этот звук был знаком ему с детства: загнанные в ловушку бизоны рычали так от отчаяния. Только отчаяние зверя, гость, бывает разное — иногда оно от голода, иногда от ярости, а иногда от такого страха, что и человеку не снилось. И опытное ухо это различает, как мать различает плач своего младенца от плача чужого. Теперь у Яжи Ильгае оставалось лишь несколько мгновений перед тем, как он обернётся и посмотрит в глаза озлобленному зверю.

А пока их взгляды не встретились, нужно было срочно принять решение: бежать или драться. Но и то, и другое почти невозможно — тропа, по которой он спускался в долину, проходила вдоль обрыва, была и без того узкая, да ещё и обледенела. Один неверный шаг — и обрыв примет тебя в свои каменные объятия, из которых уже не возвращаются.

Сердце Яжи Ильгае забилося так громко, что заглушённый слух стал страшнее, чем для зрячего внезапная темнота. Мысли метались, как стая птиц, вспорхнувшая в небо. Сперва прилетело удивление: откуда здесь, на горной тропе, мог взяться одинокий бизон? Эти тяжёлые великаны обычно держатся стадом и ходят равнинами; в горах им и пастись негде, и копыта на льду не держат. Затем в памяти всплыла мудрость отца, тёплая, как ладонь на затылке: «Испугаться — не значит продолжать бояться». И сразу вслед за ней в сердце прозвучал голос Поющей на рассвете — нотка той самой предрассветной мелодии. Будто кто-то изнутри тихо сказал: «Я с тобой». Но решение бежать или драться так и не пришло.

В этот миг за его спиной прозвучало новое звериное послание: фыркание. Опытный охотник сразу понял — бизон не спешит нападать, он выжидает. Почему? Охотника осенило: бизон чем-то смертельно напуган. А скованный страхом зверь не бросится в атаку — у страха, гость, лапы тяжелее, чем у ярости.

Яжи Ильгае решил воспользоваться этим замешательством. Резким движением он выхватил из колчана стрелу и обернулся. В одно мгновение стрела легла на туго натянутую тетиву, а её остриё почти коснулось носа зверя. Но когда охотник встретился взглядом с бизоном, то увидел, что тот смотрит не на стрелу и не на него, а куда-то мимо — вдаль. Глаза животного, полные испуга, были устремлены на вершины хребта тех самых гор, на пещеристых склонах которых зимовало племя Воронов.

По взлохмаченным северным ветром снежным шапкам вершин Яжи Ильгае догадался: лавина! Зверь чуял её, как мы с тобой чуем по запаху, что варится в соседнем котле. У зверей это знание древнее нашего; оно живёт в них с тех времён, когда люди ещё не научились складывать огонь. Бизон предчувствовал скорый сход снега и теперь, парализованный ужасом перед стихией, не был опасен. Охотник выдохнул и с благодарностью к Великому Духу за то, что тот послал ему это чуткое к ненастью животное, опустил лук.

Неизвестно было, сколько времени оставалось до схода смертоносных снеговых масс. Надо было как можно скорее предупредить соплеменников, чтобы они успели перенести младенцев и немощных стариков из своих вигвамов в пещеры. Яжи Ильгае огляделся: склоны выше тропы были усеяны молодой порослью скального можжевельника. Можжевельник, гость, у Воронов почитался кустом дымным — хвоя его горит густо, чёрно, и дым от неё видать

издалека. Оставалось лишь разжечь из него костёр и тройным дымовым столбом дать сигнал дозорным о смертельной угрозе. Тройной столб у нас означает «беда идёт сверху»; одинарный — «зверь рядом»; двойной — «гость пришёл с миром». Так разговаривали наши с другими склонами, когда голос ещё не долетал.

Но сырые можжевельные побеги не горят сами по себе — для костра нужна была основа. Охотник заметил остатки сухого, обожжённого молнией дерева, торчащие из почти отвесной скалы в паре десятков локтей ниже тропы. Заметь, гость, как Великий Дух кладёт нужное всегда чуть ниже наших ног — чтобы за ним пришлось тянуться, напрягаться, заслужить. Пришлось рисковать: спуститься по обрывистому каменистому склону, чтобы добыть это дерево.

Опасность сорваться на дно ущелья заставляла сердце биться всё громче, заглушая окружающие звуки. Но Яжи Ильгае должен был улавливать каждый шорох природы, чтобы предугадать сход лавины. Пернатые вестники первыми смолкают перед бедой, как первыми и празднуют её уход. Охотник замирал, ловя из ущелья обрывки их далёких голосов. Но каждый раз мысль о приближении беды вновь разгоняла сердце, и оно, как непослушный бубен, перебивало ему слух.

Выкорчевать обожжённое дерево было непросто. Пальцы немели, ладони саднило, ремни скользили по обледенелому камню. Яжи Ильгае приходилось делать короткие передышки. Каждая передышка давала шанс услышать отголоски далёкого птичьего пения из леса внизу. И вот, во время одной из таких пауз, до его слуха донеслись знакомые нотки. Они напомнили Дружку пернатых о той, что поселилась в сердце: о красавице Поющей на рассвете. И это уже не сердце мешало слышать — оно помогало. Так бывает, гость: одни мысли заглушают слух, а другие — обостряют его до чистоты горного льда. Это придало ему сил, и уже вскоре над горной тропой взметнулся в небеса тройной столб густого можжевельного дыма.

А когда костёр отгорел, началось мучительное ожидание. Лавина могла сойти в любую минуту. До сумерек Яжи Ильгае лишь молил Великого Духа о восточке с южных склонов. Молился он по-своему, без слов — а ты уж знаешь, гость, что молитва без слов часто доходит быстрее, чем самая длинная и красивая песня. Увидеть сход лавины ему не довелось: напористый северный ветер сдул снежные шапки с вершин уже после заката. Гул был такой, что земля под ним подрагивала, как шкура бубна под ладонью шамана. А когда бессонная ночь миновала и солнце взошло, его первые лучи отразились в одиночных бликах с южных склонов — так народ Воронов с помощью костяных зеркал передавал своему спасителю знак благодарности за своё спасение.

Один блик, два, три... Яжи Ильгае считал их и в каждом узнавал чью-то ладонь. Эта — старого Шепчущего; эта — матери малыша из крайнего вигвама; эта — самого вождя. А последний, самый тёплый, самый ласковый — он был не уверен, но так хотел верить, что пришёл он ни от кого-нибудь, а от неё, Поющей на рассвете. Так его племя без единого слова сказало ему то, что говорить умеют только сердцем.

Глава 4. Посох и память

Утро после схода лавины было безоблачным, но по-прежнему ветреным. Ещё по-зимнему низкое солнце показалось над побритыми ночным шквалом хребтами и осветило долину, прикрытую тонким хрустящим настом ранней весны. Такой наст, гость, наши охотники зовут «наст-предатель»: каждый твой шаг он выдаёт окрест на сотню шагов.

Яжи Ильгае всё ещё не мог забыть пережитого страха за жизни соплеменников. Этот страх не отпускал, потому что блики костяных зеркал с южных склонов согревали душу, но не давали покоя. Ведь то, что его племя спаслось, не означало, что выжили все без исключения. Сколько зеркал в племени, столько и рук; а сколько рук осталось — этого блики не сказали.

Он шагал по знакомой обледелой тропе. Знал каждый изгиб, каждый куст, но путь не становился от этого безопаснее. Знакомое, гость, обманчиво как раз там, где думаешь, что знаешь — и спотыкаешься. Каждый шаг, каждое движение приходилось делать осознанно. И всё же ночь бесконечной молитвы и нестерпимого ожидания осталась позади.

Главное — народ Воронов, как племя, был спасён. А теперь он, молодой охотник, немой, но слышащий, должен пройти ещё одно испытание в одиночку: передвигаясь по хрупкому, хрустящему насту, выдающему каждое его движение, выследить свою чуткую жертву. Голод, гость, не ждёт чужих побед; ему подавай мясо к закату, а не славу к утру.

Яжи Ильгае замер. Прислушался... Птицы — его спутники с детства — вновь обрели для него голос. Это немного утешило, ведь с ними он чувствовал себя не таким одиноким.

Он снова прислушался — так же глубоко, как вчера, когда пришлось висеть над пропастью, и пытаться расслышать хоть что-то между ударами сердца. Сегодня оно билось ровней, но и теперь он не смог расслышать в себе всей мелодии, которую уловил тогда, на рассвете, а потом услышал и от красавицы Айо Аинишни. Как она там? Как пережила этот ночной сход? Он осознал вдруг, что их мелодия ускользала теперь от него, будто тающая изморозь на скалах под дуновением тёплого весеннего ветра. Ты возьмёшь её в горсть — а в горсти уже только капля; ты сожмёшь каплю — а в кулаке только сырой след.

«Быть может, оттого их песня ускользает, что он теперь один, а Поющая на рассвете всё же не пережила?..» Он сразу стал гнать эту страшную мысль и дал себе обещание, что обязательно вспомнит, как звучала их рассветная песня — вся, до единого звука. Ибо обещанное себе самому, гость, тяжелее обещанного другим: чужому, если слово даёшь — людей стыдишься; себе слово даёшь — стыдишься Великого Духа.

Он двинулся дальше. Знакомые с детства места приносили всё новые воспоминания, погружая его глубже и глубже в прошлое, связанное с ней — с такой близкой и такой далёкой. Тогда они были ещё детьми. Девочка с тонким, чистейшим голоском, стоявшая в рассветной дымке, подпевала лесу — а может, это лес подпевал ей. Его сердце отозвалось тогда на неё впервые, будто струя лесного родника пробилась сквозь оттаявший лёд и затрепетала на солнышке. Уже тогда было ясно: она — часть этого общего звучания. Он хотел бы сказать ей об этом. Тогда и сейчас. Но голос ему уже был недоступен.

И вдруг в памяти всплыло другое: тот день в его детстве, когда он убежал туда, где деревья были выше, чем любые слова. Там, в тени кедров, он встретил Мудрого Змея — тот смотрел в него, и Яжи Ильгае вдруг начал слышать ветер и понимать птичьи молитвы и... впервые не смог произнести ни слова. Это было и даром, и утратой одновременно. Так часто бывает, гость: одной рукой Великий Дух даёт, другой забирает — но обе руки у Него одинаково любящие.

Он глубоко вздохнул. Неужели теперь он и вправду навсегда останется безмолвным? Как же здорово было бы сделать, как делала она... просто взять и напеть ту прекрасную песню! И вспомнить всё, звук за звуком. Он попробовал насвистеть её, но свист оказался пустым, как пустая чаша на чужом столе.

В этот миг над его головой громко прокаркал ворон. Он сидел высоко на искривлённом ветрами дереве. У Воронов, гость, это птица не простая. Это родовая птица; имя племени взято с её крыла. И когда такая птица каркает над тобой не сердясь, а как бы с зовом, стоит прислушаться. Яжи Ильгае поднял голову. Чёрная птица посмотрела на него, затем взмыла в небо. Но одно из её перьев выпало и закружилось в воздухе. В затишье между порывами ветра оно медленно и плавно опустилось на землю рядом с Дружком пернатых.

Затем, подхваченное набежавшей волной ветра, перо полетело и застряло на мелком сучке давно отпавшей от старого кедра ветви. Яжи Ильгае поднял эту ветвь. Она была сухой, длинной и крепкой. Из неё мог выйти прекрасный, надёжный посох. Кора давно отпала, и узоры, которые оставили короеды на её гладком теле, напоминали рисунки вроде тех, что рисуют старики для детей на стенах пещер долгими зимними вечерами. У нас, у Воронов, такие узоры зовут «письмом без писца»: дерево написало само, а читать его — твоё дело.

Эта ветвь-посох что-то напомнила ему. Картинка из детства: его соперник в детских играх Тахо, сын старейшины. Это у него он впервые увидел красивый, украшенный узорами посох. Малыш Тахо играл тогда отцовской вещью, воображая, что это копьё. А Яжи Ильгае стоял рядом и думал, что посох — это совсем не копьё; копьём грозят, посохом ведут. Но Тахо тогда уже знал только копьё.

И вот теперь ему Великий Дух послал прочную опору для долгого пути. Может — чтобы не бояться. Может — чтобы помнить. Может — чтобы звучать не голосом, а тишиной. Яжи Ильгае принял дар как знак от Духа, как помощь, чтобы уверенней передвигаться по скользкой тропинке, ведущей в родную долину. Но и теперь воспоминания не отпускали, и с этой находкой что-то жгучее поселилось внутри.

Он постарался разобраться в себе. Попробовал осознать, в какой момент пришла эта боль. Яжи Ильгае понял: жжение в груди возникло, когда он вспомнил, как подростками они бегали по этим склонам, по ещё не растаявшему снегу. Как заметил тогда, что Тахо смотрел на Поющую на рассвете как-то по-особенному и слишком долго. Тогда он не знал, что это называется ревностью. И вот теперь жгло. А с этим жжением пришёл и стыд. Чувство стыда за то, что не сразу распознал этого «зверя» и позволил войти ему в своё сердце. Ревность, гость, у Воронов считается зверем без шкуры: внутри всё кусает, а снаружи и не видать. И опаснее всего тем, что приходит под видом любви: мол, я о ней забочусь. А на деле — о себе.

Яжи Ильгае постарался вытеснить это подлое воспоминание. Но оно не уходило. А с ним и тень Тахо. Дружок пернатых вздохнул и, опираясь на новый посох, продолжил свой путь. Он понимал, что нужно отпустить всю эту тяжесть и просто идти. А ещё осознавал, что не успокоит своего внутреннего человека, пока не впустит в себя тишину, ведь только при ней сможет вновь возродиться в памяти та самая мелодия... их мелодия.

Глава 5. Шаг назад

Год пролетел незаметно, оставив за спиной долгие дни одиночной охоты и размышлений. Год для охотника — что один длинный вдох: пока доходит до конца, уже и солнце сменилось, и снег сошёл, и снова лёг. Новая весна начала робко заявлять о себе: когда снег всё ещё укрывал тенистые склоны и горные ручьи прятались под ледяной коркой, ветер уже приносил ароматы далёкого лета. Так у нас, у Воронов, говорят: «Ветер приходит из лета раньше, чем само лето; кто умеет нюхать, тот знает срок».

В тот день Яжи Ильгае направился к Большой реке. Там, в камышах крутых берегов, можно было встретить первых бизонов, которые предпочитали держаться близко к воде. Эти животные были осторожными, сильными, и с ними надо было управляться быстро, решительно. Камыши, гость, обманчивы: сверху мягко шуршат, а внутри стоит зверь с рогами в три ладони.

Надо сказать, что среди Воронов охота в одиночку была редкостью. Обычно мужчины охотились парами или группами. Один на бизона ходил только тот, кто либо очень храбр, либо очень одинок; а чаще и то, и другое. Но Яжи Ильгае год тому назад успешно выполнил поручение совета вождей — заготовил мясо бизона перед спуском племени в долину. Это закалило его, и теперь на бизона он предпочитал ходить один. Его уникальный дар слышать предупреждения птиц и различать оттенки ветра никогда не подводил. А лишние разговоры или запахи тех, кто напрашивался к нему в напарники, могли только отвлечь. Да и спугнуть зверя. Поверь, гость, у слышащего и нюх острее: он слышит даже запах чужой нерешительности.

Он заметил свежие бизоньи следы. И что особенно важно — глубоко вдавленные, а значит, бык был крупным и сытым. А такому сложно передвигаться далеко и быстро. Яжи Ильгае остановился, прислушался. Вспорхнула стая птиц — подсказка: он рядом.

Охотник обошёл склон, спустился по ручью, пригнулся под поваленным деревом, чтобы оказаться с наветренной стороны от места, где мог стоять бизон. И да, ветер принёс запах животного пота — густой, тёплый, чуть кисловатый, с отголоском молодой весенней травы. Охотник наклонил голову набок, чтобы как можно меньше его выглянуло из-за поваленного дерева. Точно — вот он! Огромный тёмный силуэт стоял тихо, неподвижно, как неживой. Но дымящаяся испариной спина выдавала в нём жизнь.

Яжи Ильгае затаил дыхание, бесшумно поднял своё копьё, замахнулся... и вдруг понял: не сейчас, не так! Он взгляделся в животное и увидел в нём старого быка с уставшим взглядом. Да, он живой и даже упитанный, но в его глазах не было жизни — только тяжесть, и тяжесть эту надо уважить, чтобы дать этому старику шанс умереть своей смертью.

Дружок пернатых опустил копьё, оставив бизона в том же спокойствии. Охотник отступил; сделал шаг назад — снег принял его движение след в след, почти без звука. Он повернулся и продолжил путь вдоль берега. Этот шаг назад, гость, я тебе скажу, иногда сильнее любого копья. Потому что вперёд может идти и ярость; а вот назад отойти способна только мудрость.

Снова вспорхнула стая птиц. Точно так же, как до того. Яжи Ильгае прислушался: что их могло напугать?

И в этот момент — человеческий крик. Короткий, испуганный. Потом треск и шелест — звук падения. Где-то выше по склону. Яжи Ильгае сорвался с места и, не раздумывая, побежал вверх. Он сразу узнал этот голос — Тахо. Голоса, гость, порой узнаются лучше лиц; особенно те, что когда-то насмехались над тобой у общего костра. Было ясно: тот оказался в ловушке: каменная осыпь, скрытая под снегом, ушла у того из-под ног. Он соскользнул, застрял между двух камней, повредив ногу.

Яжи Ильгае молча вытащил его, перетянул ногу ремнём, помог встать. Тахо не сказал ни слова. Только смотрел, и в его глазах впервые не было ни насмешки, ни презрения. Лишь удив-

ление и что-то ещё. Что-то похожее на отчаяние и стыд. Стыд, гость, тяжелее камня; камень снимешь — а стыд останется с тобой и в дороге, и у костра, и в самом сне. От стыда не отмоешься в реке, не выкуришь его шалфеем — его лечит только время да чередой добрых дел.

Они вместе вернулись в стойбище. Шли медленно: Тахо припадал на одну ногу, опираясь на плечо того, кого ещё вчера в мыслях своих гнал в дальние земли. А Яжи Ильгае шёл ровно, будто не нёс на себе раненого человека, а вёл к очагу младшего брата. Дорогой не было сказано ни слова — да и какие слова нужны там, где один молчит от рождения, а другой молчит от стыда?

А старейшины долго переглядывались: ведь тот, кого они собирались назвать первым охотником весны, оказался спасён тем, кого прозвали Дружком пернатых. Видишь, дорогой гость, как Великий Дух умеет ставить людей на свои места без крика, без бубна, одним поворотом тропы.

У вечернего костра Яжи Ильгае разглядел Поющую на рассвете. Она стояла молча, но ветер, раздувавший огонь, то и дело подсвечивал её лицо. Так у нас, у Воронов, костёр иногда сам выбирает, кого показать, а кого спрятать в тени; и если он тебя выбрал — значит, кому-то нужно тебя увидеть. Яжи Ильгае встретился с ней взглядом. Она смотрела внимательно, ровно, глубоко. В её глазах не было ни изумления, ни восторга. Только тишина и свет. Такой свет бывает перед самым восходом солнца, когда всё вокруг ещё спит, но ты уже точно знаешь: день настаёт. Яжи Ильгае уважительно отвёл глаза первым, но он успел заметить главное: она всё знает, она приняла. И этого было достаточно.

Достаточно, гость, а вот для других не хватило. Потому что у людских сердец разная мера: одно полнится и от капли, а другое не наполнить и большой рекой. О таких сердцах — мой следующий сказ. Подвинься поближе к огню, ведь сейчас потянет холодом.

ЧАСТЬ III. ИЗГНАНИЕ И ГОЛОС КЕДРА

Глава 6. Зависть и изгнание

После весенней охоты в стойбище Воронов начали шептаться. Сначала вполголоса, у очагов. Потом — громче, на тропах и у ручья. Слова сыпались, как листья с дерева под осенним ветром: осторожные, неуверенные, но уже пропитанные напряжением. Шёпот, гость мой, — самый опасный из всех ветров. Бури сшибают деревья — и те снова вырастают; а шёпот рушит человека изнутри, и не всякий поднимется. Одни смотрели на Яжи Ильгае с уважением, другие — с настороженностью, третьи — с укором.

Необычный поступок его разошёлся кругами, словно рябь по водной глади: он пощадил старого бизона, а вскоре спас Тахо, своего соперника. Все знали об этом — и не могли понять, как такое возможно. Это тревожило, требовало объяснения. Старейшины переглядывались, строили догадки:

— Охотник, отказавшийся от добычи? Даже если бык старый — он же не мёртв.

— Добыча — это дар Духа. Отказаться — значит отвергнуть его дар. Кто он такой, чтобы выбирать, кому умирать, а кому — нет?..

Видишь, гость, как мудрость превращается в подозрение, когда её меряют чужой рукой? Старейшины наши были не глупы — они были испуганы; а испуг и мудрость в одном вигваме не уживаются.

Охотник Кан, с которым когда-то Яжи Ильгае делил сухари и добычу в самую глухую зиму, сидел у костра, сжимая в ладони рукоять костяного ножа, заткнутого за пояс из сыромятной кожи. Он знал, что должен встать. Он помнил вкус той пойманной на двоих дичи, помнил, как Дружок пернатых вывел его из тумана, когда другие группы сбились с пути. Кан глубоко вдохнул, готовясь начать говорить, но тут его взгляд столкнулся с глазами Тахо. Тот не грозил, не сжимал кулаки — он лишь медленно, почти лениво, прикрыл веки и едва заметно кивнул, словно вынося невидимый приговор.

В ту же секунду прямо над самой головой Кана раздался резкий, гортанный вскрик ворона. Птица будто насмеялась над его нерешительностью. Ворон, мой гость, у нашего племени птица не злая, но строгая: трусливому он каркает в самое ухо, чтобы тот услышал собственную трусость. Кан вздрогнул, словно этот звук пронзил его насквозь; огонь в его глазах погас, пальцы на ноже ослабли, и он ссутулился, глубже вжавшись в свою меховую накидку, будто старался стать невидимым. Кан больше не смотрел на Дружка пернатых. Он смотрел в землю, изучая рисунок пыли под своими ногами.

Кто-то добавил:

— Он слышит, о чём шепчутся птицы. А птицы — разные, и кто знает, что они ему нашептали?..

Среди молодых охотников поднималась волна. Немногие молчали из уважения. А многие отводили глаза, замолкали при его появлении:

— Он не наш. Он странный. Слишком тихий. Слишком замкнутый. Даже имя у него странное, чужое.

— Может, он и не человек вовсе?..

Так, гость, племя начинает терять брата: сперва отнимают у него человеческое имя, потом — человеческое лицо, а уж после этого изгнание скатывается само, как вода под уклон.

А Тахо... У общего костра он молчал, но шёпот его уже расплзался по тропам, ведь тяжело носить в себе долг, тем более перед тем, кого ты привык презирать, от такой ноши гордость быстро превращается в раздражение и злобу. Вызванный через пару дней на совет

старейшин, он рассказал про Дружка пернатых, как тот пощадил тучного быка в камышах. А Яжи Ильгае и не думал оправдываться или лживо скрывать свой поступок — он лишь гордо встретил обвинения своим великим безмолвием. Конечно, испуганные люди тут же приняли его молчание за признание вины.

На том совете старейшины долго молчали. Ветер играл с пламенем, и казалось, огонь колеблется вместе с ними в нерешительности. Наконец старший поднял голову:

— Выходит, так и есть: Дружок пернатых и впрямь отверг дар Духа.

— Или служит другому духу, — пробормотал кто-то. — Не нашему...

Слово «колдун» никто не произнёс. Но оно уже зашевелилось в мыслях завистников, как червь в яблоке. И поверь, гость: иное произнесённое слово оказывается опаснее произнесённого; произнесённое можно оспорить, а с произнесённым не поспоришь — оно живёт в каждом сердце по-своему и всех настраивает против одного.

Наутро совет вождей созвал всё племя. Воздух дрожал, словно натянутая тетива перед решающим выстрелом. Старший заговорил негромко:

— Яжи Ильгае, ты одарён. Но твой выбор стал непонятен племени. Ты предал свой дар — отказался от дара охоты. Ты совершил и скрыл проступок. Ты идёшь на бизона один, говоришь не с людьми, а с ветром и птицами. Племя не знает, кто ведёт тебя. Мы не изгоняем тебя со злобой — но делаем это из осторожности. Ты должен уйти.

Яжи Ильгае не стал возражать. Да и чем бы возразил он, у которого вместо слов только дыхание? Он встал. Его пальцы крепче сжали проверенный посох — дерево, которое он подобрал прошлой весной на склоне, отозвалось едва уловимым теплом, словно обещая, что оно не последнее в его жизни, которое откликнется на его прикосновение. Охотник оглядел собравшихся. Даже те, кто вчера улыбался ему, сегодня отводили глаза.

Кан, стоявший в задних рядах, не выдержал этого зрелища. Он медленно поднялся и, не оглядываясь, покинул круг, не в силах смотреть на то, как уходит лучший из них. И знаешь, гость, чей уход тяжелее: того, кого изгоняют, или того, кто не сумел его защитить? Я тебе скажу: тот, кто не защитил, уносит с собой ношу побольше — она с ним до самой смерти.

Яжи Ильгае собрал мешок, колчан, посох и пошёл. Он шёл по тропе, не оглядываясь. Каждый шаг звучал чётко: «Я есть, я здесь». Он уходил один — но не в одиночестве. Поющая на рассвете стояла в стороне. Она смотрела ему вслед. Она не произнесла ни звука: знала, что сейчас любое слово могло выглядеть лишь оправданием и только навредить. Она молчала, но в её глазах был свет... словно родник под землёй, питающийся светом звёзд. Яжи Ильгае успел поймать этот взгляд и теперь уносил его с собой как оберег. У Воронов, гость, такой взгляд ценится дороже бизоньей шкуры: шкура греет тело, а взгляд греет душу, а согретая душа легче переживает любые невзгоды.

Так закончилась его жизнь среди соплеменников. Началась другая; шаг за шагом он уходил туда, где голос ветра звучал свободнее, где птицы не боялись говорить, где одиночество становилось песней.

Подкинь дров, дорогой гость. Сейчас наш сказ уйдёт далеко от костров стойбища — туда, где костров нет вовсе, а есть только звёзды да деревья, но те, что выше всяких слов.

Глава 7. Душа дерева и дух ветра

Он ушёл без прощания. Никто не знал, куда. И сам Яжи Ильгае не ведал — шёл, доверяясь сердцу и ветру, который ласково обдувал его лицо и шептал утешения на древнем языке леса. Не за добычей охотника, не за славой воина; он шёл туда, где звуки становились чище, а мир глубже. Так, дорогой гость, ходят не охотники и не воины — так ходят те, кто ищет себя; а это, поверь мне, самая трудная из всех охот.

Дни перетекали в ночи. Мир вокруг становился приглушённой мелодией, где каждый вдох был частью великого танца природы. Иногда он питался корнями или ловил рыбу в прозрачных ручьях, но осторожно, чтобы не нарушить хрупкую гармонию. Иногда — только пил из родников, смакуя прохладу хрустальной воды, что казалась самой жизнью. У нас говорят: кто пьёт из чистого родника, тот возвращает себе чистое сердце. Видно, Яжи Ильгае пил много и часто — потому что сердце его становилось всё яснее, всё спокойнее. Само его молчание становилось тише, чем когда-либо: не оглушающее и не мучительное, а глубинное — словно родник под землёй, который питается светом звёзд. И в этом молчании росла мудрость, ещё не спешившая открыться словами.

Чем дальше он уходил от родных мест, тем менее понятным и странным становился язык птиц. Казалось, их когда-то ставшие привычными молитвы здесь были о другом. Их голоса доносились всё более тихими, обрывистыми, словно зовущие, но не раскрывающие тайн. Постепенно они стали для него непостижимыми дословно, но общий тон звучал как приглашение в неведомое, как зов, рождённый в самих глубинах леса. И он шёл за ним — ведомый не охотой и не долгом, а чем-то гораздо большим, важным, таинственным. Так, гость, человека и ведут по жизни лучшие его силы: не страхом, не приказом, а тихим зовом символов, знаков, голосов, которые слышны только ему.

В один из дней, когда солнце уже склонялось к закату, лес начал быстро и непривычно меняться. Подобное Яжи Ильгае когда-то уже испытывал в родных краях, но теперь это ощущение было намного ярче — что-то необъяснимое, когда время замирает и вместе с птицами будто хочет зазвучать сам лес: и деревья, и камни, и вода. Всё вокруг будто вздохнуло перед тем, как заговорить. И он уже не видел просто стволы или ветви — перед ним раскрывалось нечто необъятное, но живое, пульсирующее, дышащее.

Мох под ногами стал мягче, бархатистее, воздух наполнился невесомыми звёздными искрами, играющими в полумраке, а тишина стала настолько глубокой, что казалось, она заполняет каждую частичку тела и делает его невесомым. Такое, гость мой, не со всяким в жизни случается; а уж если и случается, то человек после этого ходит по земле иначе. У нас, у Воронов, есть такие поляны, такие расщелины, такие одинокие деревья, о которых старики говорят шёпотом: Места Силы. Туда не ходят за добычей. Туда не ходят хвастаться. Туда вообще редко ходят нарочно — туда... приводят. И ведёт в такие места не тропа, а подготовленность собственного сердца. Недаром старики предостерегали: иной путник сунется к Месту Силы с пустой грудью, а выйдет с пустыми глазами; иной войдёт испуганным и не выйдет совсем. Такое случается с теми, кто идёт к Местам Силы неподготовленным. Но Яжи Ильгае уже был готов: его подготовила вся его жизнь.

Вскоре стихли даже редкие птичьи голоса. Последняя стайка, которая была для него под сказкой, вспорхнула ввысь и, будто уткнувшись в невидимую небесную стену, не могла лететь дальше. Птицы расселись в отчаянии по ветвям и камням, не издавая ни звука. Они смотрели на него маленькими чёрными зеркалами своих глаз, отражавших его душу. А душа его сейчас вопрошала и ждала. Яжи Ильгае осознал: решиться идти дальше — значит быть готовым к чему-то совершенно новому.

В памяти прозвучали слова Мудрого Змея о том, что счастье где-то ждёт, что оно возможно; он решительно сделал шаг вперёд — и за поворотом тропы лес распахнулся.

На просторной поляне, на склоне, у самого подножия величественной горы, стоял хранитель вековых тайн — одинокий Священный Кедр, высокий и могучий. Таких древних исполинов у Воронов называли Поющими Старцами: про них говорили, будто они помнят первый рассвет на земле и способны хранить его звук в своей сердцевине. Это дерево издавало странный, едва слышимый звук. Яжи Ильгае подошёл ближе и понял, что звук этот рождался в самой его коре. Это напоминало треск дров в костре, но, как шёпот, очень тихий, равномерный.

Яжи Ильгае обошёл его кругом и увидел, что ствол великана был расколот когда-то пламенем Небесной силы — от вершины до самых корней. Из-за этого дерево казалось разорванным надвое, истерзанным, но живым, ведь из его расщелины исходило тёплое дыхание жизни. По одну сторону от трещины кора была выжжена до угля, по другую — её не было вовсе; обнажённая древесина здесь была до блеска отшлифована солнцем, дождями, ветрами. Так и человек, дорогой гость: порой расколот горем, обожжён бедой, обтёсан заботами — а жив. Но именно в этой его расщелине, в самом надломе, в глубине и поёт его настоящий голос.

Порыв ветра — и, как раздуваемые угли костра рожают огонь, Священный Кедр издал новый звук. Теперь это был не тихий треск, а голос — целый хор голосов. Он явно исходил из самой трещины, словно душа дерева стала напевать какую-то древнюю песню. Сколько звучала та песня, сложно сказать, но вдруг звук этот превратился в сияние, собрался в комок, покатился вверх по стволу, перепрыгнул на толстую ветвь и сорвался с неё, улетаая вдаль, уносимый ветром. И Яжи Ильгае почувствовал, как вслед за ним унеслись частички страха и отчаяния, что таились с самого детства в его душе. Он понял: эта песнь — то самое очищение, о котором молили Великого Духа старейшины племени, освобождение от того, что заглушало зов предков и саму вечность.

Он положил ладонь на ствол и ощутил согревающее тепло, а ещё — биение, словно под корой билось, стучало сердце. Яжи Ильгае заглянул в расщелину и увидел в ней красно-огненный жар. Он отпрянул. Присел на ветвистый корень могучего Священного Кедра, положил голову на колени, прикрыл глаза и долго-долго слушал хор, доносящийся из дерева. В памяти всплывали рисунки деда, которые тот рисовал для него-мальчишки на стенах пещер; прогулки с отцом к лесному ручью; колыбельные матери... и она — Поющая на рассвете. Видишь, гость, как работает Священный Кедр: он не отнимает прошлого, не помогает забыть его — он его очищает; и то, что беспокоило или даже было болью, становится знанием и опорой.

Вдруг ветер прошептал нечто новое — это был зов, который не тянул, не принуждал, а мягко приглашал продолжить общение со Священным Кедром. Яжи Ильгае снова подошёл к расщелине. Из глубины дерева теперь доносилась иная песня. Сперва треск мешал расслышать её, но он вслушивался, и треск постепенно превратился в ритм, который стал поддерживать мелодию.

— О, Великий Дух! — прошептал он.

Гость, заметь: прошептал, а ведь мы-то знаем: он немой! Да, да! Но это был не звук горла, а голос души; и душа его, видимо, в тот час заговорила голосом... того мальчишки, что звучал до того самого дня, когда Мудрый Змей наделил его магическим слухом.

Сложно поверить, но Священный Кедр вдруг запел для него ту самую рассветную мелодию. Стало ясно: великан знал эту песню. Дружок пернатых прижался к горячему стволу, и слёзы покатались из его глаз. Такие слёзы, гость, у нас, у Воронов, считаются священной водой — ими Великий Дух поливает то, что должно прорасти в человеке. И видно, в ту ночь в Дружке пернатых проросло многое.

Он стоял так, пока песня не стихла, а когда она стихла, Яжи Ильгае уже был другим; душа дерева и дух ветра поселились в его очищенном, обновлённом теле.

Преисполненный великой радостью, он не смог устоять на месте, стал исследовать пространство вокруг священного кедра и вскоре среди его могучих корней нашёл сухую ветвь, вырванную, видимо, той самой бурей, когда Небесный огонь расколол ствол Священного Кедр. Ветвь эта была выгоревшей изнутри, но крепкой снаружи — цельной, крепкой, гладкой. Яжи Ильгае приложил её к уху и — о чудо! — где-то в самой сердцевине её звучала та же мелодия, что и в самом Священном Кедре. Яжи Ильгае понял: она, эта ветвь, неспроста оказалась у него под ногами — она ждала... ждала именно его. Ведь теперь все те, кто знает эту песню — Священный Кедр, птицы, он сам и, конечно, Поющая на рассвете, а значит, и всё его племя — объединены. И связаны навсегда.

Так, мой гость, сухая ветвь, вырванная бурей из тела Священного Кедр и обожжённая Небесным огнём, стала проводником между сердцем человека и голосом ветра; голосом, который пел прекрасную рассветную мелодию о той, кого Яжи Ильгае выбрал своим счастьем.

Глава 8. Дятел и место для ветра

На следующее утро кедровая ветвь лежала у него на ладонях, как тёплая жила земли. Но теперь треск коры великана стих, и при свете нового дня она казалась до боли обыкновенной — просто куском обожжённой древесины, высушенной ветром. Куда исчез тот священный трепет, что пронзил его накануне? Так бывает, гость: то, что вечером кажется волшебным жезлом, утром лежит на ладони как простая палка. Но это первый ключ, которым Великий Дух пробует наше доверие: дашь себя сбить — потеряешь дар; устоишь — обретёшь новую силу. Но помнишь, я говорил уже про знаки и голоса? Важно помнить: Великий Дух никогда не оставит тебя беспомощным.

Яжи Ильгае нахмурился, чувствуя, как где-то внутри него ворочается червь его сомнения. «Это я слышу... Или мне только кажется?» — беззвучно спросил он у пустоты. Затаив дыхание, он поднёс дерево к самому уху. Столько ночей пытался он вызвать в памяти их рассветную мелодию, так отчаянно цеплялся за обрывки звуков, и сколько раз он прослышал её вчера из чрева Священного Кедра, что теперь разум мог просто подсунуть ему желаемое вместо правды. Он снова прижал ветвь к щеке — не обманывает ли его собственное тело. Дерево было тёплым, но безмолвным. Неужели всё, что случилось вчера у Священного Кедра, было лишь игрой измученного сердца?

Он держал ветвь прижатой к щеке — старался быть терпеливым и ждал. И постепенно из её глубины, сквозь наслоения сомнений и обрывков воображения, стал проступать тихий, едва уловимый гул. Не звук, а будто некая память зашевелилась в её сердцевине.

И тут пришло другое воспоминание — простое, смышающее все сомнения. Охота. Его сверстники шли плечом к плечу, и каждый слышал только стук собственного сердца да шорох одежды. А он различал то, что было тоньше: предупреждающий крик птицы, осторожный шаг зверя, шелест сухой травы под копытом ещё до того, как бизонье стадо показывалось из-за холма. Поэтому ни одна охота не проходила без добычи, и потому зависть так часто шипела и ухмылялась за его спиной. Видишь, гость: то, что для одних — дар, для других — повод для негодования и злости. И от этого никуда не деться, пока стоит мир.

Подумалось: Великий Дух закалил его смертью отца. Потом послал Мудрого Змея и забрал речь, чтобы вернуть слух. Потом свёл его с Поющей на рассвете, чтобы он понял: его дар не одинок. И вот теперь привёл к Священному Кедру, который отдал ему часть себя — ветвь, помнящую голоса предков. Если всё это не случайно, значит, поющая ветвь — это новый шаг к его счастью, возможно, способ заменить утраченный им голос. С этой мыслью в его груди зародились и радость, и тяжесть, но не как страх, страх, а как долг. Яжи Ильгае наконец признался себе в том, чего раньше боялся: дар свыше — это ещё и ответственность; она в том, чтобы превратить дар во благо не только себе, но и всему своему роду. А дар, гость мой, который нельзя передать другим, превращается в непосильную ношу — пока не используешь его во благо. А вместе с этим к Яжи Ильгае пришло понимание: если эта ветвь не заговорит с миром, он никогда не сумеет вернуть себе место среди людей.

Отложил он тогда ветвь, сел у края поляны и стал слушать лес так, как умолкают и слушают себя перед шагом в неизвестность. Птицы и ветер, казалось, тоже уважали эту мучительную тишину. И в этой абсолютной пустоте откуда-то сверху вдруг прозвучал сухой, мерный стук.

Тук. Тук-тук.

Клюв ударял по стволу, будто выстукивал тайный знак — на кедре работал Дятел. Его в нашем племени называли мастером леса: птица, которая не поёт, но знает древесину лучше других. У нас, у Воронов, говорили: «Если не знаешь, что делать с деревом — спроси Дятла; если не знаешь, что делать с собой — спроси у Ворона». И тот, и другой ответят, только нужно

уметь слушать. Яжи Ильгае подошёл к нему осторожно, как подходят к мастеру, ведь Дятел мог научить его расслышать смысл в самом дереве.

Дятел замер, повернул голову и посмотрел прямо ему в глаза. Потом перепорхнул на пустотелый сухой сучок, который, видимо, был когда-то частью ветви, подобранной Яжи Ильгае; и клювом указал на обломанный край. Несколькими ударами Дятел мастерски подровнял и заострил этот край. Вдруг подул ветер, и острей сучка ответило тонким живым голосом. Яжи Ильгае услышал свист, какой издают птицы.

Яжи Ильгае вздрогнул. Он осознал: ветер пел не потому, что был силён. Он пел потому, что встретил заострённый край ветви.

Дятел снова указал на заострённый край сучка. Яжи Ильгае понял без слов: «Подуй сюда». Он глубоко вдохнул и выдохнул, стараясь своему выдоху придать направление. Видишь, гость, какая разница: можно дунуть силой и сорвать лишь пыль с земли; а можно дунуть направлением и зажечь огонёк на трутовике. Сила — она глупа без направления; направление слепо без силы. А вместе они — мастерство. Струя его дыхания коснулась кромки, будто разбилась о неё и, задрожав, издала звук.

Дятел снова застучал клювом, и на теле ветви в паре ладоней от заострённого края появилась маленькая дырочка. Яжи Ильгае снова подул на острый край, и голос ветви стал тоньше, выше. Дятел перебрался ещё на полладони ближе к краю, проделал ещё одно отверстие. И снова Яжи Ильгае подул — звук стал ещё выше.

Яжи Ильгае закрыл глаза, прикрыл пальцами оба отверстия и снова, набрав воздуха полной грудью, дунул на край полой ветви. Та издала тёплый, низкий звук, который, казалось, проник в самое его сердце. Радость, похожая на светлое воспоминание детства, переполнила его. Эта радость была такой, как если бы он снова смог заговорить. Только представь, гость! Ведь теперь у него появился голос. Настоящий.

И голосом этим можно было управлять. А значит, можно передать всё, что он так часто переживал: радость, нежность, печаль, благодарность. И всё это с помощью дыхания. Вдумайся, драгоценный гость: дыхание — оно есть у каждого, есть у тебя, есть у меня, у младенца и у старика. И из этого привычного всем нам вдоха-выдоха Великий Дух надумал сделать самый красивый разговор.

Он вернулся к своей поющей ветви и впервые посмотрел на неё не как изгнанный из племени отшельник, а как мастер, который точно знает, что нужно делать. Теперь он понимал: с помощью своего дыхания можно создавать собственный ветер, а главное — указывать ему место и время, где тот запоёт его песню. Песню, которую услышат все вокруг. И, конечно, она...

Яжи Ильгае спрятал ветвь за пазуху, прижал к груди и поднял голову к небу. В этот же день он сделал первый срез. И с каждым движением ножа по древесине его переполняла та самая, почти детская радость, с которой он теперь приближался к моменту своего счастья — когда он сможет спеть рассветную песню у заветного вигвама.

Глава 9. Имя, которое выбирает ветер

Новый вечер на поляне у Священного Кедра был ласковым, тёплым, как ладонь матери, приложенная к детскому лбу. Помнишь, гость, такие ладони? Их у каждого в жизни было всего две; и сколько бы лет ни прошло, тепло их человек помнит хоть днём, хоть ночью, даже на чужом краю земли.

Ветер ходил кругами меж корней, и каждый его шаг отдавался в душе Яжи Ильгае знакомым треском. Охотник держал в руках ту самую ветвь, вырванную бурей и обожжённую Небесным огнём. Она лежала на коленях, как найденный младенец: хрупкая на вид, но упрямая в своей живучести.

Он уже понимал, что из неё родится вещь не для ходьбы, не для охоты. Посох требует силы, копьё — решимости, а эта ветвь просила другого: бережного внимания. Он прикладывал её к уху и внутри, в тонком гуле сердцевины, слышал не просто мелодию рассвета — а чьё-то ожидание. Так ждут не добычу, а важный ответ.

Яжи Ильгае вспомнил рисунки деда. Знаешь, гость, у нас зимы случались длинными, а вечера ещё длиннее. И чтобы детишки не были от скуки, как волчата, старики жгли уголь, мочили его в жире и водили им по стенам — и становились стены пещер нашими летописями. Среди тех рисунков был один, который мальчишки любили особенно. На нём юноша стоял у вигвама девушки, и в руках у него было что-то длинное, ни то жезл, ни то посох, с сидящей на нём птицей. Старик говорил тогда, смеясь в усы: «Это палка, которая умеет просить». И когда дети требовали разъяснений, он делал серьёзное лицо и добавлял: «Ею нельзя приказывать. Ею можно только позвать».

Запомни, гость: хороший дед всегда сначала рассмешит, а уж потом скажет важное. Потому что важное с улыбкой попадает в память легче, чем со строгим лицом.

В племени знали: мужчина может быть доблестным воином и храбрым охотником, но перед сердцем женщины он часто робеет сильнее, чем перед разъярённым бизоном. Наши слова — иногда слишком грубые, спешные, многозначные — нередко ранят там, где нужно коснуться аккуратно, осторожно. Потому и появился у Воронов иной путь. Весной, когда снег уходит, а ночи уже готовы подпевать голосами птиц, юноша выходил к вигваму той, что поселилась в его груди. Не входил. Не требовал. Он становился с наветренной стороны, чтобы песня его зова, повторяющая звуки природы, смогла долететь до её полога с шёпотом ветра.

Он старался петь негромко — чтобы услышала только та, кому предназначено. У каждого была своя мелодия: как след на мокром песке, как узор короеда на гладкой ветви, которую он, окончив песнь, оставлял у её порога. Девушка могла не выйти — и тогда юноша понимал и принимал это без обиды: её сердце выбрало иной рассвет. А могла приоткрыть полог и забрать его ветвь, а взамен выставить чашу воды или положить перо птицы — в знак того, что зов его не был отвергнут. Так знаки и звуки природы, переданные ветром, учили уважению. Не к себе — к свободе близкого человека. Учись у наших дедов, гость: настоящая любовь всегда оставляет другому свободу не любить. Та любовь, что свободы не оставляет, любовью только зовётся; на деле же она — другой зверь, и имя у него тяжёлое.

Яжи Ильгае, немой от детской боли, слушал эти рассказы иначе, чем другие мальчишки. Он не мог шутить в ответ и не мог спросить. Зато запомнил главное: любовь у Воронов начинается не со слов, а с признания и принятия. И если теперь есть инструмент, который не просто символ, а умеет прозвучать, чтобы это признание ещё глубже выразить, то он и вправду достоин особого имени. И вот как оно появилось.

Порыв ветра тогда закружил по поляне, и где-то на самом верху кроны сухо защёлкал ворон. Яжи Ильгае поднял голову. Птица сидела неподвижно, но он сумел расслышать её послание, как расслышал когда-то послание Змея:

«Ты и дальше останешься нем, но не отчаивайся. Ты тоже выйдешь к её вигваму. Только не к пологу из шкур — к пологу судьбы. И признаешься не голосом, но тоже дыханием — с помощью звуков ветра. Запомни это имя! Оно — ключ к тому, чтобы полог её распахнулся: Флейта любви. Флейта любви».

Он опустил взгляд на ветвь и ясно увидел: её полая сердцевина уже устроена так, что в ней проложен путь для его дыхания, и сделано всё, чтобы оно превратилось в воздушный поток, способный спеть заветную песню. Дело за малым — оставалось лишь аккуратно заострить край ветви, чтобы у неё появился настоящий голос. Видишь, гость, как работает Великий Дух: Он не подаёт нам готового; Он подаёт нам почти готовое — а самую малость оставляет такой, чтобы мы её доделали сами. Без этой малости человек бы не вырос; а с ней — вырастает.

Почти осязаемо в его мыслях возникла Поющая на рассвете. Он вспомнил, как её голос однажды совпал с его внутренней мелодией, будто два истока слились в одну полноводную реку. Тогда, замороженный её песней, он понял, что счастье может быть негромким. Оно может быть таким же тихим, как шаг по хрупкому насту, и в то же время таким же сильным, как корень старого кедра.

Яжи Ильгае прижал ветвь к груди и позволил себе то, чего давно не позволял, — улыбнуться.

Он достал нож из чёрного камня и продолжил работу. А ветер, словно соглашаясь, мягко погладил его по лицу, по рукам и стал шептать: «Ф-ф-флейта любви... Ф-ф-флейта любви».

А теперь, гость, оставим на время Дружка пернатых у его ветви — пусть режет её край, пусть шепчется с ветром. Пора нам с тобой вернуться в стойбище. Потому что там, пока он работал, дела складывались тяжкие, и без рассказа о них наш сказ выйдет односторонним, как молодой месяц без второго рога.

ЧАСТЬ IV. ВОЗВРАЩЕНИЕ РАССВЕТА

Глава 10. Знамена в стойбище

Шкура бизона, что когда-то согревала зимними ночами, теперь обветшала, осыпалась и уже не спасала от холода. Шкура, гость, — как людское доверие: пока о ней заботятся, чинят, греют у огня — она служит долго; а как махнут рукой — рассыпается за одну зиму. Под такой шкурой дрожала женщина. Её руки были худы, как птичьи лапки, глаза выгорели от бессонных ночей. А рядом, с отрешённым взглядом, стонал её младший сын. Лицо мальчика было горячим, дыхание — прерывистым.

— Вождь... — сипло выдохнула мать малыша. — Помоги. Пусть совет пошлёт людей в горы... Найдите хоть что-то. Или... пусть духи простят нас...

Вождь стоял над ней — высокий, с глазами, потемневшими от тревоги и бессилия. Когда-то его голос был твёрдым, как скала, а речь лилась сама собой, вдохновляя людей своей мудростью. Теперь каждое слово рождалось с трудом, а вместо мудрости выходило что-то несвязное. Бессилие, гость, порой тяжелее всякой работы: от работы устаёт тело, а от бессилия — самая суть человека.

— Мы ищем, сестра. Мы молимся. Мы жжём шалфей и отпеваем близких. Но ответа нет. Великий Ворон молчит.

Он отвернулся, чтобы она не увидела, как заходили его желваки. Власть ускользала. Да что власть! Сама жизнь, казалось, утекала сквозь пальцы. Народ ждал чуда, а чуда не было.

За пределами стойбища ветер гонял пыль и сухие листья. И этот порывистый ветер переносил между вигвамами запах острый, жгучий — прокисшего, прелого мяса, а с ним и чей-то женский шёпот: «Смерть. Смерть рыщет кругом».

Старейшины, вжавшись в свои одежды, молча сидели у костра, не поднимая глаз. Никто не решался сказать вслух то, что грызло их изнутри: племя вымирает.

— Так было с людьми Летучей Мыши, — наконец хрипло произнёс один. — Они изгнали брата, и духи отвернулись. Сначала ушли звери, потом пришли болезни, а потом соседи подались алчности и откопали топор войны... Так погиб целый род.

Слышишь, гость? Старший наконец произнёс вслух то, чего боялись все. А когда страх произнесён вслух — он либо рассеивается, либо растёт во много раз. У костра старейшин он, увы, начал расти.

Как подтверждение этих слов, над стойбищем третий день подряд кружил чёрный ворон. Но он не каркал, не вскрикивал — просто завис, паря, в зловещем молчании. У нас, у Воронов, есть пословица: молчащий ворон страшнее воющего волка. Волк воет — значит, голоден; а уж как насытится, то замолкнет. А если ворон молчит — значит, ждёт. И чего он выжидает, никто из живых тебе не скажет.

Женщины прятали детей, как будто от болезни или от голода можно спрятаться; мужчины сжимали рукояти ножей, словно могли отсечь ими беду. Шалфей сгорал, но дым полз по земле, не поднимаясь к небу.

— Великий Дух не слышит нас, — сказал вождь. — Наши слова теряются в пустоте.

Лишь одна фигура стояла в стороне. На краю стойбища, там, где ветер свободнее гулял меж скал. Её лицо было обращено к горам, а глаза — в даль, где когда-то растворилась фигура Яжи Ильгае. Она не молила духов о его спасении. Она знала: он жив. Он ищет путь, и он вернётся. Знание это, дорогой гость, было у неё не в голове — голова наша всегда найдёт повод усомниться. Знание её было в груди, там, где у людей живёт то, что не подвластно ни вождям, ни старейшинам, а только Великому Духу, да и то, если так решит её хозяин.

А за горами Дружок пернатых сидел под могучим Священным Кедром. Он обтачивал ветвь, подаренную чудо-деревом, ножом из чёрного камня. Кедровая стружка падала и, уносимая ветром, напоминала остатки старых чувств и переживаний. Ты видел, гость, как уходит стружка из-под ножа? Она вьётся, гнётся, ложится спиралью к ногам. Так и обиды наши уходят: не сразу, не одной плитой, а тонкими завитками — пока человек терпеливо работает над собой. Вот и Яжи Ильгае вырезал форму инструмента, следуя тому, что шептал ему Ворон — посланник предков:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.